

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'27:008

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.29

Т. Н. Герасина
А. М. Погорелко
Уфа, Россия

Код ВАК 10.02.20

T. N. Gerasina
A. M. Pogorelko
Ufa, Russia

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА КАК ПРОДУКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию культуроспецифичных ассоциаций, получивших отражение в значениях русских и английских метафор экономического кризиса. Цель исследования — построение иерархии метафорических образов кризиса на основе частотности их употребления в политико-экономическом дискурсе и последующее сравнение приоритетных моделей с точки зрения их соответствия определенным культурным особенностям русского и американского общественного сознания.

Ключевые слова: экономический кризис; метафорическая модель; политический дискурс; лингвокультурология.

Сведения об авторе: Герасина Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин.

Место работы: Уфимский институт путей сообщения.

Контактная информация: 450014, Башкортостан, г. Уфа, ул. Ухтомского, дом 33.

Сведения об авторе: Погорелко Александр Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, 19 к. 8.
e-mail: Pogorelkoam@rambler.ru.

METAPHORIC ECONOMIC CRISIS MODEL AS A PRODUCT OF NATIONAL CULTURE

Abstract. The article is devoted to the study of cultural associations reflected in the meanings of Russian and English economic crisis metaphors. The aim of the research consisted in making up a hierarchy of metaphoric crisis images in accordance with their frequency of occurrence in the analysed political and economic texts and correlating the revealed models with certain peculiarities of Russian and American cultural mentalities.

Key words: economic crisis; metaphoric model; political discourse; cultural linguistics.

About the author: Gerasina Tatyana Nikolayevna, Senior Lecturer, Chair of General and Professional Education.

Place of employment: Ufa Railway Institute.

About the author: Pogorelko Alexander Mikhailovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of Intercultural Communication and Translation Chair.

Place of employment: Bashkir State University.

Как известно, характерной особенностью современной лингвистики является тенденция к взаимодействию различных направлений науки о языке, к выходу за пределы узкой специализации путем синтеза и заимствования методологии и результатов других гуманитарных дисциплин. Вполне естественно, что побочным результатом такого взаимодействия может быть как некоторая эклектичность исследовательских построений, так и искажение исходных методов и понятийных инструментов анализа в «поле тяготения» новой предметной области. Однако подобного рода недостатки в большинстве случаев с лихвой компенсируются широтой угла зрения на изучаемое сложное явление, возможностью выявить новые или латентные связи внутри исследуемого объекта, принадлежащего одновременно миру языка, индивидуального сознания и общенациональной культуры. Примером такого перспективного содружества языковых дисциплин может служить взаимодействие политической лингвистики и лингвокультурологии. Примечательно, что обе дисциплины и сами возникли как пограничные области исследований, поэтому синтез знаний и поиск взаимосвязей между элементами разных систем для них очень органичны. Поставим перед собой задачу осветить только один, частный аспект такого взаимодействия, заключающийся в описании национально-культурной специ-

фики метафор политического дискурса, на примере метафорических моделей экономического кризиса в отечественной и англо-американской культурах.

Как отмечает А. П. Чудинов, «важная задача политической лингвистики — исследовать многообразные взаимоотношения между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества» [Чудинов 2003]. Лингвокультурология, в свою очередь, исходит из того, что «проводящей средой» этих взаимоотношений, пространством, в пределах которого реализуются эти взаимосвязи, выступает система выработанных данным обществом культурных установок. Следовательно, особый интерес будет представлять ответ на вопрос, в какой степени вырабатываемые участниками политической коммуникации когнитивно-языковые модели оказываются подвержены воздействию имплицитных культурных стереотипов, а также то, какую подсознательную интерпретацию такие модели могут вызывать у адресатов — носителей той же или чужой культуры.

Метафора как языковое воплощение сложных моделей мышления играет в политической коммуникации исключительно важную роль. Примечательно, что значимые функции метафоры работают независимо от того, используется метафора как продуманный элемент стратегии убеждения

или употребляется автоматически в качестве привычного стереотипа. В последнем случае просто увеличивается вероятность того, что языковое средство, закрепляющее за собой специфический образ мысли, поведет адресата не совсем туда, куда планировалось автором текста. По отношению к политической метафоре как нельзя более справедливыми представляются выводы Р. А. Блакара о том, что «выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, воздействует на понимание получателя. Даже если отправитель старается „выражаться объективно“, видно, что осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом... Произнеся одно-единственное слово, человек, как кажется, вынужден занять „позицию“ и „осуществлять воздействие“» [Блакар 1987: 89].

Особенности функционирования политических метафор привлекают к себе пристальное внимание лингвистов. Исследователи политической метафоры исходят из того, что для нее на первый план выходят эвристическая и аргументативная функции. Однако помимо этого, как указывает И. М. Кобозева, политическая метафора также выполняет функции, характерные именно для своего типа дискурса, в частности «прагматическую интерактивную функцию сглаживания, наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева]. Когнитивный функциональный потенциал политической метафоры получает подробное описание у А. П. Чудинова, который выделяет такие разновидности ее когнитивной функции, как номинативно-оценочная, моделирующая, инструментальная и гипотетическая [Чудинов 2003]. Отметим, что для лингвокультурологического измерения проблемы наибольшую эвристическую ценность имеют моделирующая и инструментальная составляющие. Последняя, пишет автор, «способна „подсказывать“ решения, определять направление развития мысли, то есть выступает как своего рода инструмент мышления» [Там же]. Именно модель явления, заложенная культурой в концептуальное содержание слова, часто неосознанно актуализируется в сознании реципиента и тем самым направляет его мысль в область порождаемых этой моделью ассоциаций.

Значение метафоры как инструмента структурирования мышления особенно возрастает в период кризиса, причем в самых разных системах — и в науке, и в политике, и в экономике. Состояние кризиса этих систем неизбежно сопряжено с дезорганизацией структур сознания, и в этих условиях правильно выбранная модель кризисного состояния и сопряженных с ним явлений является залогом успешного решения проблемы. По словам А. П. Чудинова, «„метафорические бури“ обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений» [Там же]. Современная политическая лингвистика доказывает справедливость этого положения результатами статистических исследований. Сходные закономерности, как показано, в частности, в работе Э. В. Будаева, проявляются и в российском, и в зарубежном по-

литическом дискурсе. Автор приводит в пример исследование К. де Ландсхеера и Д. Фертессена, которые сравнивали метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами и обнаружили, что частотность метафор увеличивается в предвыборный период. Аналогичные результаты были получены А. Н. Барановым на материале политических метафор периода августовского кризиса 1998 г. (750 000 словоупотреблений). Анализ показал, что индекс метафоричности политического дискурса начал расти в преддверии августовского дефолта [Будаев: 89].

Интересно в связи с этим отметить, что вышеупомянутые зарубежные исследователи впоследствии даже разработали своеобразный математический аппарат для обработки статистических результатов изучения политических метафор. Смысл математических преобразований сводится к вычислению так называемого метафорического коэффициента, представляющего собой удельную величину как функцию переменных: частотности (F), интенсивности (I) и содержания (D). Критерием частотности (F) является употребление метафоры на каждые 100 слов. Интенсивность (I) вычисляется по формуле:

$$I = \frac{1w + 2n + 3s}{t},$$

где w — количество «стертых» метафор, т. е. метафор, которые реализуют стандартные метафорические переносы значения; n — обычные конвенциональные метафоры, не зафиксированные как словарные значения, s — новые, креативные метафоры, t — общее количество метафор. Предполагается, что коэффициенты 1, 2, 3 позволяют учесть «силу метафоричности». Наконец, переменная содержания D вычисляется по формуле:

$$D = \frac{1p + 2n + 3po + 4d + 5sp + 6m}{t},$$

где p — стертые метафоры, n — метафоры природы, po — политические и интеллектуальные метафоры, d — метафоры, относящиеся к смерти и стихийным бедствиям, sp — спортивные и игровые метафоры, m — метафоры болезни, t — общее количество метафор [Гаврилова]. Попытка рациональных европейских лингвистов облечь образное мышление политиков в жесткие рамки математических формул поражает воображение. К сожалению, остается загадкой, на каких «весах» следует взвесить разные типы метафор, чтобы получить точные численные значения коэффициентов, ответственных за совсем не математическое понятие «силы метафоричности». В целом алгебраические построения подобного рода невольно вызывают в памяти утопическую мечту Г. В. Лейбница «оцифровать» человеческий язык, с тем чтобы в идеале свести любой словесный спор к объективному численному сравнению доводов спорящих.

Экономический кризис при всех различиях своих проявлений в нашей стране и за рубежом представляет собой удобный объект для сравнения малоосознаваемых культурных установок, задействованных в его когнитивном восприятии. В советский период понятие экономического кризиса по вполне объяснимым идеологическим соображениям применялось исключительно к опи-

санию пороков капиталистической системы, как нечто чуждое, существующее по неприемлемым для нашего общества и культуры законам. С другой стороны, болезни нашей экономики действительно имели принципиально иную природу и последствия по сравнению с капиталистическими кризисами перепроизводства или коллапсами фондовых рынков. Но в реалиях современного периода истории нашей страны «импортный» кризис уверенно занял свое место и успел обжиться, приобретя за два десятка лет осязаемые национальные черты не только в социально-экономическом измерении, но и как инструмент оценки, применяемый общественным сознанием к анализу самых разных сторон жизни. Показательной в связи с этим является популярность, которую приобрело в дискурсе политиков и СМИ выражение *системный кризис*, регулярно привлекаемое для объяснения причин неблагоприятного состояния той или иной сферы хозяйства.

Ставшее теперь привычной реалией понятие кризиса, таким образом, может быть сопоставлено со своим зарубежным аналогом как явление, закрепившееся в национальной концептосфере и нашедшее богатое отражение в современном дискурсе. Разразившийся в 2008 г. интернациональный финансовый кризис не мог не вызвать быстрой реакции в виде упомянутой ранее «метафорической бури» не только на Западе, но и в России. Как отмечала в 2009 г. Т. В. Шмелева, «слово *кризис* обнаруживает взрывообразную частотность. Новым в лингвистическом плане оказывается то, что ее теперь возможно измерить: на запрос ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ поисковые системы Яндексa выдают 69 миллионов ссылок, тогда как на запрос МИРОВОЙ КРИЗИС — 41 миллион» [Шмелева 2009: 64]. Говоря о метафорическом представлении кризиса в медийных текстах, автор выявляет такие его модели, как антропоморфная, пространственная и предметная. Примечательны, кроме того, упомянутые исследователем признаки эволюции отечественного образа кризиса: «...с этим кризисом не связаны катастрофические метафоры: *пропасть*, *бездна*, *тулик*, что было характерно для времени самых первых наших кризисов» [Там же: 66]. Е. В. Филиппова указывает на особую роль персонификации кризиса как живого существа с агрессивным поведением, стремящегося нанести какого-то рода ущерб человеку, «съесть» жизненно важные для него ресурсы. Основными векторами физиологической метафоры, считает автор, являются дискомфорт, неуверенность, страх, которые человек начинает ощущать в кризисных условиях [Филиппова].

В соответствии с приведенными выше соображениями интересно сравнить метафорические картины кризиса в русско- и англоязычных текстах СМИ, без претензии на полноту описания всего многообразия образных характеристик, но с выделением наиболее четко проявляющихся метафорических моделей. В качестве материала для анализа были выбраны выступления официальных лиц, наиболее близких к вопросам выработки стратегии понимания кризиса: президентов России и США, членов правительства и президентской администрации, видных политиков и финан-

совых экспертов, — мнение которых подкреплено авторитетом изданий, являющихся фактически проводниками государственной идеологии, таких, как *Российская газета* и *New York Times*.

Уже предварительный анализ выборки показал, что и в русских, и в английских текстах четко выделяются следующие модели: КРИЗИС — ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, КРИЗИС — СТИХИЯ, КРИЗИС — БОЛЕЗНЬ, КРИЗИС — ПРОСТРАНСТВО, КРИЗИС — НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ. В распространности этих моделей и особенностях их применения проявились достаточно заметные различия, свидетельствующие, как представляется, о значимой культурной обусловленности восприятия одного и того же (если абстрагироваться от не столь существенных для общественного сознания экономических деталей) явления. Так, при том, что модель КРИЗИС — ЖИВОЕ СУЩЕСТВО довольно ярко проявляет себя и в русских примерах, в английской выборке эта модель существенно превосходит русские аналоги по частоте. Более того, биологизированное или персонифицированное восприятие кризиса оказывается (наряду с пространственными метафорами) в английской метафорической картине вообще на первом месте с заметным отрывом от менее частотных групп. При этом можно отметить следующие особенности указанной модели. С одной стороны, кризис уподобляется растению или развивающемуся животному организму. Растение и кризис роднят такие свойства, как «связь с субстратом», питающая и служащая причиной возникновения, «произрастания» кризиса: *The roots of the credit crisis stretch back to another notable boom-and-bust: the tech bubble of the late 1990s* (NYT), — рост и «цветение» как достижение высшей точки развития: *In recent weeks, we've seen a growing financial crisis... the most profound economic emergency since the Great Depression, a full-blown crisis* (Б. Обама). Происхождение кризиса в той же модели демонстрирует аналогию с рождением животного или человека: *Our housing crisis was born of eroding home values, but also of the erosion of our common values* (Б. Обама). Антропоморфизм кризиса проявляется как в физиологических сравнениях, например способности обрести второе дыхание: *The crisis gained a second wind in 2010* (NYT), — так и в его восприятии как субъекта диалога: *If you want to understand the difference between how Senator McCain and I would govern as President, you can start by taking a look at how we've responded to this crisis* (Б. Обама); *Finally, this crisis has taught us that we cannot have a sound economy with a dysfunctional financial system* (Б. Обама); *That's why we're here today — because a crisis like this calls for the best ideas, the brightest minds, the most innovative solutions from every corner of this country* (Б. Обама).

Не менее значимой особенностью кризиса как живого существа является его агрессивный характер, способность угрожать человеку и наносить ему ущерб: *But a similar crisis has threatened families, workers and homeowners for months and months* (Б. Обама); *Crisis threatens the poor* (Т. Гейтнер, министр финансов); *The American Dream is being tested by a home mortgage crisis that not only threat-*

*ens the stability of our economy but also the stability of families and neighborhoods. It is a crisis that **strikes at the heart** of the middle class (Б. Обама); Well, the working families who've been **hard hit** by this economic crisis... Few have been **harder hit** by our credit crisis than the workers (Б. Обама).*

Последняя аналогия дает возможность представить сложное масштабное явление в виде простого для восприятия образа противника, действия которого вызывают прежде всего желание дать ему подобающий отпор: *That's why we've put in place a comprehensive strategy designed to **attack this crisis on all fronts** (Б. Обама).* Такой образ оказывается эффективным способом мобилизации сознания на активное противодействие обозначенной опасности, порождает характерные тактические приемы «идеологической войны», например принижение «противника». Любопытно отметить, что именно в рамках биологической модели встречаются наиболее радикальные военные метафоры, описывающие отдельные аспекты борьбы с кризисом, вплоть до сравнения применяемых мер с ядерным оружием, направленным на уничтожение врага столь же ничтожного, как муравей: *Mr. Obama singled out Representative John A. Boehner of Ohio, the House Republican leader, for saying that financial regulation legislation was like "**kill-ing an ant with a nuclear weapon**" (NYT).*

Не менее значимой группой английских метафор кризиса выступают пространственные метафоры. В полученной выборке они совсем немного уступают по количеству биологизированным аналогиям. Геометрия «пространства» кризиса допускает как два, так и три измерения. О «плоскостном» представлении свидетельствуют примеры, в которых речь идет о входе в кризис и выходе из него, пересечении его границ, подобно границам некоей территории, о середине или центре кризиса как критической его стадии: *We are **in the midst of the most serious financial crisis in generations** (Б. Обама); McCain is going to get us **out of this crisis** by doing the same things with the same old players (Б. Обама); This will help families get **through this crisis** without being forced to make painful choices (NYT); This will help start a process of providing a market for the real estate related assets that are **at the center of this crisis** (Т. Гейтнер).*

Типично американской чертой при этом являются насаидавающие на пространственную модель автомобильные аналогии, уподобляющие выход из кризиса своего рода «выруливаю», и интерпретация вхождения в кризис как «въезда» в него: *We did not **arrive at this crisis** by some accident of history. I know we can **steer ourselves out of this crisis** (Б. Обама).* В трехмерных метафорах кризиса смысловой акцент делается на параметре глубины, соответственно наиболее тяжелая его стадия ассоциируется с «дном», в кризисе можно «утонуть», а процесс выхода из него сравнивается со всплытием: *We're in "an economic crisis as **deep and as dire as any since the Great Depression**," he said, and without quick action, "our nation will **sink into a crisis** that at some point we may be unable to reverse." ... And that's how we'll **emerge from this crisis** stronger and more prosperous than we were before (Б. Обама).*

Модели КРИЗИС — СТИХИЯ и КРИЗИС — БОЛЕЗНЬ в рассмотренных текстах занимают явно подчиненное положение, уступая по частотности ведущим группам соответственно в 4,5 и 8 раз. Немногочисленные примеры уподобления кризиса стихии включают в себя аналогии со стихийным бедствием, характеризующимся быстротой и внезапностью, как извержение вулкана: *A year after the credit crisis **erupted** (NYT).* Из сферы-источника *болезнь* заимствуется разного рода симптоматика: *The first **tremors** of the crisis began in early 2007 (Б. Обама); I think it's important to recognize that **the scars** of this crisis **cut very, very deep** (Т. Гейтнер).* Антикризисные меры способствуют облегчению протекания заболевания: *The rescue plan that passed the Congress was a necessary first step to **easing this credit crisis** (Б. Обама).*

Наиболее явные отличия русских метафор кризиса от английских аналогов заключаются в статусе двух значимых моделей: КРИЗИС — ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и КРИЗИС — СТИХИЯ. Персонализация кризиса в российском политико-экономическом дискурсе, конечно же, также имеет место. Много сходного и в структурных схемах представления кризиса в русских и английских текстах. Общими являются аналогии с растением: *Финансовый кризис — **растение многолетнее и живущее** (Д. А. Медведев), — и с физиологией животного организма: Но в полной мере **дыхание кризиса экономика все-таки ощутила** позже (Е. Ясин).* Подобным же образом актуализируются признаки агрессивности и опасности кризиса: *Кризис **больнейшим образом ударил по России** (Е. Примаков); Желательно уже сейчас **переходить от общих рассуждений, что кризис опасен, к принятию вполне конкретных решений** (Д. Медведев); Но кризис **ударил не только по экспортерам** (Е. Ясин).*

Не менее очевидны и различия русской и английской групп биологических метафор. Во-первых, результаты анализа показывают, что в количественном отношении русские метафоры этого типа не являются преобладающими. В выборке примеров из 24 источников они заняли только третье место. Во-вторых, обращает на себя внимание то, что способы борьбы с персонализированным противником в нашем случае более тяготеют к оборонительной стратегии, чем к наступательной: ***Защита от кризисов только одна — это разносторонне развитая экономика** (РГ); Многие меры, предусмотренные в документе, способны значительно **смягчить удары кризиса** (РГ).* Ничего похожего на объявленную Б. Обамой атаку на кризис по всем фронтам, тем более с применением «оружия массового поражения» (из речи сенатора Дж. Бойнера), в рассмотренных отечественных речах и статьях на тему кризиса не наблюдается. Думается, дело здесь не только в том, что сильная экономика США более подготовлена к активным действиям, чем российская. Вполне вероятно, в данном случае имеет место отнюдь не случайная корреляция с другой особенностью именно культурной природы, нашедшей свое отражение в русском дискурсе описания кризиса. Такой особенностью является повышенная чувствительность нашего языкового сознания к восприятию

различного рода социальных и экономических кактаклизмов через призму метафор стихии.

Именно модель КРИЗИС — СТИХИЯ претендует на статус главной линии расхождения в метафорическом отражении кризиса между русскими и английскими текстами. Представление кризиса как стихийного явления в русской выборке заняло первое место по частотности употребления соответствующих метафор, причем с заметным отрывом от биологической и пространственной моделей (36 против 25 и 24 % соответственно). Английские примеры этой группы оказались лишь на третьем месте при частотности, в четыре раза уступающей их русским аналогам. Уподобление кризиса стихийному явлению в российском политическом дискурсе не просто преобладает количественно, но и реализуется с привлечением большего арсенала образных средств по сравнению с дискурсом англо-американским.

Прототипом, в наибольшей степени вдохновляющим говорящих о кризисе, является буря, шторм. Образ этот, судя по известному высказыванию В. В. Путина, не просто красочный, но и очень удачный для описания самой сути явления: *Есть верное понятие — „идеальный шторм“, когда разыгравшиеся природные стихии сходятся в одной точке и кратно умножают свою разрушительную силу. **Нынешний кризис похож именно на такой идеальный шторм.*** Воздействие кризиса на финансовые институты нашей страны, по-видимому, вызвало довольно яркие ассоциации с беспорядком и разрушениями и у Д. А. Медведева, отметившего в своем выступлении на Петербургском экономическом форуме, что *штормит не только на улицах, но и на фондовых площадках.*

Одним из наиболее эффектных элементов «штормовой» модели кризиса является образ волны, символизирующий мощный внезапный удар неуправляемой стихии. Метафора *волна кризиса* быстро стала почти шаблонным инструментом описания явления в выступлениях российских политиков и экономистов: *В начале мирового финансового кризиса возникло предположение, что наша страна останется островом стабильности — **волны кризиса пройдут мимо*** (Е. Примаков); ***Второй волны банковского кризиса мы не опасаемся — в отличие от второй волны, связанной с оттоком умов из России*** (А. Некипелов, вице-президент Российской академии наук); *Развивающимся странам сильно повезло, что до них **волна кризиса докатилась позже, нежели до развитых стран*** (А. Кудрин); *Прошло девять месяцев с тех пор, как **волна кризиса накрыла мировую экономику, окатив холодной водой и Россию*** (Ю. Лужков).

Для характеристики разных стадий кризиса привлекаются и метафоры из тематического поля атмосферных явлений: ***Экономический горизонт начал светлеть и проясняться ... В прошлом сентябре мы встречались с вами перед началом мирового финансового и экономического кризиса, если так можно сказать, накануне грозы*** (В. Путин).

В то же время проведенный анализ использования метафор стихии в английских текстах по-

зволяет достаточно уверенно утверждать, что западные политики сознательно избегают столь явного уподобления социального по своей сути явления неуправляемым проявлениям природных сил. О неприятии описываемого образа, кроме низкой частотности природоморфных метафор, свидетельствуют примеры, в которых делается особый акцент на ложности такого рода представлений кризиса. Именно метафора идеального шторма стала объектом критики в речи председателя спецкомиссии Конгресса США по расследованию причин финансового кризиса Ф. Анджелидеса. По словам конгрессмена, кризис — это творение рук человеческих (*These were acts of men and women*), и если кто-то говорит в связи с ним об «идеальном шторме», то на самом деле это не что иное, как «идеальный рукотворный шторм» (*a man-made perfect storm*) <NYT>.

Стоит также отметить еще одну особенность русской модели КРИЗИС — СТИХИЯ: использование метафорического образа зимы как сурового времени года, которое приходится переживать: *Но все равно он (кризис) приходит неожиданно — **так же, как и зима у нас в России*** (В. Путин). Для слова *кризис* в выборке примеров оказались типичны сочетания с глаголами *наступать, придти, переживать* и производными от них существительными, что вызывает четкие ассоциации с приходом зимы: *Правительство не боролось с кризисом, а **пережидало его*** (О. Дмитриева, депутат «Справедливой России»); *Ну, **затяните вы пояса, пересидите кризис.** А что дальше?* (Е. Ясин, руководитель ВШЭ). Особой популярностью эта модель пользуется в ироничных, но вместе с тем не лишенных своеобразной патриотической гордости статьях экономических обозревателей Российской газеты: *Есть в России такая профессия: **кризис переживать***. *Возникла в ходе эволюции постсоветской экономики, причем постоянно развивается и совершенствуется. По части **преодоления „неблагоприятных внешних условий“** наши бизнесмены если не впереди планеты всей, то уж точно — не в последних рядах мирового сообщества* (Е. Добрынина).

Указанные особенности и высокий удельный вес модели КРИЗИС — СТИХИЯ в анализируемых текстах явно свидетельствуют об особой культурной значимости природоморфного представления, оказавшегося востребованным и понятным в восприятии кризиса общественным сознанием. В культурной концептосфере народа нашей страны особая роль аналогий со стихией видится вполне естественной. Разумеется, исследователю следует всегда иметь в виду, что сложный, можно сказать, деликатный вопрос о географической детерминированности культурных представлений таит в себе опасность чересчур механистических интерпретаций. Но отсюда вовсе не следует, что географические условия не следует принимать во внимание в поиске истоков тех культурно-языковых особенностей, которые столь явно указывают на наличие такой связи. Современные концепции культурогенеза вполне органично встраивают в свой теоретический арсенал фактор географии. Климат, по словам известного япон-

ского исследователя Д. Мацумото, является значимым фактором, влияющим на установки, представление и поведение людей, а следовательно, и на их культуру [Мацумото 2008: 43]. Для жителей страны, отличающейся существенно более суровым климатом, чем почти все остальные заселенные территории мира, вполне естественно закрепить в своей культурной базе знаний представление о том, что активная борьба со стихией бессмысленна, победить ее человек не в силах, а значит, естественной стратегией в противодействии стихии будет защита и терпеливое переживание тех обстоятельств, кардинально изменить которые выше человеческих возможностей. Логично предположить, что эта когнитивная интерпретация активно применяется культурным сознанием к моделированию социально-политических и экономических кризисных явлений, причины возникновения которых не лежат на поверхности, что делает их похожими на явления «естественные», происходящие как бы «сами собой» или приходящие откуда-то извне. Собственно, именно так и выглядит недавний экономический кризис: возник за границей, оттуда «естественно» пришел к нам и моментально понизил финансово-экономическую «температуру» целой страны.

Особенность культурной интерпретации общественных катаклизмов, о которой идет речь, оказалась, несомненно, исключительно благоприятной для отечественных политиков и экономистов, умело ею воспользовавшихся. Восприятие кризиса как стихии очень удачно превращает отказ защитных механизмов финансово-экономической системы государства в феномен, неподконтрольный человеческой власти. В рамках когнитивно-метафорической модели стихии вопрос о подавлении или недопущении кризиса даже не возникает: разве можно остановить зиму или подавить бурю? Остается разве что обвинить ответ-

ственные лица, организации и бизнес в том, что оказались не готовы к приходу неизбежного. Метафоры как диагностический инструмент показывают, что западные политики практически не имеют возможности опереться на подобные культурные установки, иначе они бы это непременно сделали. В их случае единственно выигрышной стратегией является мобилизация на активную борьбу с привычным и слишком очевидно рукотворным явлением.

ЛИТЕРАТУРА

- Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. С. 88—120.
- Будаев Э. В. Метафора в политическом нарративе: эвристики современных сопоставительных исследований. URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/budaev_10_59_86_94.pdf (дата обращения: 30.10.2010).
- Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического дискурса. URL: <http://politanalysis.narod.ru/gavrilova3.html> (дата обращения: 12.10.2010).
- Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры. URL: www.russian.slavica.org/article1349.html (дата обращения: 10.11.2010).
- Мацумото Д. Человек, культура, психология. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008.
- Филиппова Е. В. Отражение политической и экономической жизни в национальной картине мира (на материале современной российской прессы) / Ставроп. гос. ун-т. URL: conf.stavsu.ru/_WordDocs/857.doc (дата обращения: 30.10.2010).
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
- Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63—67.

ИСТОЧНИКИ

- РГ — Российская Газета
 NYT — New York Times

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. В. Иванова